

тельно этого ребенка, буде если онъ родится не „мертвенькій“ (на что съ вождельніемъ втайнѣ уповали всѣ домашніе)—у Матрены было уже принято рѣшеніе. Небольшой кусокъ мяса съ едва тлѣющею искоркою жизни не долженъ быть помѣхой счастью цѣлой семьи и благосостоянію „хозяйства“ въ домѣ. Легко добившись того, чтобы Анисья исполнѣ раздѣляла ея образъ мыслей, Матрена вмѣстѣ съ ней положила: призвавъ въ рѣшительный моментъ къ дѣйствию Никиту, покончить съ ребенкомъ и скрыть трупъ его въ домѣ; что же касается до Акулины, обѣ бабы рѣшили, опасаясь вѣроятнаго проявленія материнскихъ инстинктовъ, ничего не говорить ей, пока дѣло не будетъ сдѣлано.

Вскорѣ затѣмъ Акулина разрѣшилась отъ бремени; ребенокъ оказался живымъ, и Матренѣ съ Анисьей пришлось свое преступное намѣреніе приводить въ исполненіе.

Первѣе всего взялись за Никиту. Послѣдній сначала съ ужасомъ и негодованіемъ отвергъ предложеніе „проклятыхъ („смѣлыхъ“) бабъ“ умертвить и схоронить въ погребѣ ребенка. Но, само собой разумѣется, если женщина захочетъ чего-нибудь упорно и настойчиво, гдѣ слабохарактерному мужчинѣ противостоять ей; Никитѣ же пришлось имѣть дѣло съ цѣлыми двумя „проклятыми („смѣлыми“) бабами“, и, конечно, онъ не устоялъ. Придя къ убѣжденію—вслѣдствіе доводовъ Матрены—что предполагаемое преступленіе необходимо для счастья всего дома, онъ далъ наконецъ свое согласіе—быть главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлѣ уничтоженія плода своей грѣховной связи съ Акулиной.

Замѣчая колебаніе Никиты и видя, что оно происходитъ главнымъ образомъ не отъ боязни земного наказанія, а отъ страха грѣха и возмездія за него свыше, добрая маменька постаралась до нѣкоторой степени успокоить взволнованную совѣсть своего сына. Доводы ея при этомъ заключались въ томъ, что убійство новорожденного ребенка совсѣмъ не то, что умерщвленіе взрослого человѣка, потому что новорожденного и человѣкомъ то еще считать нельзя, такъ какъ ни души у него, ни разума—ничего еще нѣтъ—такъ „пискленокъ“;*) живой кусокъ мяса и больше ничего. Сцѣпа умерщвленія ребенка вышла у Толстого замѣчательно драматичной и художественной. Умертвить и погребсти его рѣшили для пущей безопасности въ погребѣ на дворѣ. Послѣ долгихъ колебаній и понуканій—со стороны обѣихъ бабъ (особенно Анисьи,—желавшей видѣть въ своемъ мужѣ равнаго себѣ преступника) Никита наконецъ покончилъ съ ребенкомъ; закопать же его

*) Не такъ буквально рассуждала Матрена въ драмѣ Толстого; въ дѣйствительности, въ жизни, сотни тысячъ Матренъ именно такъ рассуждаютъ.